

УДК 101.1 + 130.2

АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ПРОЦЕССЕ ФИЛОСОФСКОГО ПЕРЕВОДА

К.Е. Резвушкин

В статье рассматривается обнаруживающаяся в процессе философского перевода зависимость философской картины мира от национального языка и порождаемые тем самым различия философских концептов и категорий. Демонстрируется возможность использования такого перевода в философской практике. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Ключевые слова: философский перевод, лексическая лакуна, картина мира, философская практика.

Согласно антропологу Ю. Харрари, *homo sapiens* – «...единственный, кто может гибким образом взаимодействовать в больших группах», поскольку обладает уникальной способностью верить в существование вещей, существующих лишь в его воображении, таких как бог, нации, деньги и права человека [14]. Таким образом, Харрари говорит о системе конвенциональных знаков. Однако конвенции в различных языках нередко отличаются. Буквальный и точный перевод с языка на язык невозможен – это всегда интерпретация. Итальянский мыслитель и переводчик У. Эко замечает: «...даже зная, что *то же самое* никогда не говорится, можно сказать *почти то же самое*. (...) Насколько растяжимо это *почти?*» [11]. У итальянцев есть даже построенная на игре слов поговорка *traduttore – traditore*, которая означает «переводчик – предатель». По словам филолога и философа Н.С. Автономовой, в перевод «входят не только предметные содержания, но и те слои смыслов, которые привносятся социально-культурными предпосылками, а также переводческими выборами тех или иных слов и понятий, направляющих наше понимание текста» [1].

Еще сложнее обстоят дела, когда мы наталкиваемся на «лексическую лакуну»: то, что может иметь одно обозначение в одном языке, может иметь совсем другое или же вовсе не иметь никакого обозначения в другом языке. Специалист в области арабо-мусульманской философии А.В. Смирнов отмечает: «В арабском философском языке *нет* термина, который мог бы считаться эквивалентом термина «сущность». Вместо такого эквивалента мы имеем целую семью терминов: *зат* (самость), *хакика* (истинность), *'айн* (воплощенность), *хувиййа* (оность), *махиййа* (чтойность), если называть наиболее очевидные и не упоминать второстепенные, такие как *халиййа* ([*]-ли-йность), *фардиййа* (индивидуальность), *шах-*

сийя (единичность). Из этого многообразия однозначно соотносится с разработанной в западной традиции терминологией лишь *махийя* «чтойность», которая вместе со своим западным эквивалентом восходит к античной *усия* и имеет строго очерченную область приложения: чтойность – это родо-видовое определение вещи, отвечающее на вопрос «что это?» [9]. Известный лингвист Э. Бенвенист также продемонстрировал условный, не абсолютный характер философских категорий, предложенных одним из зачинателей европейской философии античным мыслителем Аристотелем, связанный с зависимостью этих категорий от лексического и грамматического строя древнегреческого языка [2]. «Переход от одного языка к другому дает почувствовать эти искривления и семантические потоки; он позволяет исследовать двусмысленности, носителем которых является каждый язык; их значения, их историю, их двусмысленности в других языках» [6].

По словам французского постструктуралиста Ж. Деррида, положившего в основу предложенного им метода деконструкции фокусирование внимания на тончайших смысловых оттенках языка, «структура перевода включается с того момента, как устанавливается определенный тип чтения “оригинального” текста. Она сразу начинает что-то стирать, но в то же время позволяет выделить то, чему она сопротивляется, и то, что сопротивляется ей» [4].

Перевод заставляет более точно продумывать мысль, таким образом, давая толчок к переосмыслению собственной картины мира и самого себя. Это предполагает идею о том, что лучше всего я понимаю себя в присутствии Другого, осознавая, что я не таков, как представлялся себе сам. Если говорить о переводе с русского на английский, то мысль вынужденно становится более точной. Русско-американский философ М.Н. Эпштейн замечает: «В переводе на русский язык все расплывается, как будто на вощенной бумаге, все видится как бы сквозь туман или тусклое стекло. Но в русском языке есть огромная воля к мышлению вопреки трудности ясного выражения мыслей; воля к перетолкованию и даже забалтыванию понятия, к бесконечному повтору, кружеву вариаций, чего не терпят более ясные и логические языки. По-русски одну и ту же вещь нужно выговорить много раз – и тогда она приобретает расплывчатый объем, которого другим языкам передать не удастся, поскольку сказанного один раз уже достаточно. (...) Английскому интеллектуальному слуху воспринимать такой наворот вариаций и терминов чрезвычайно утомительно. Этот слух ищет предельно ясной, единократно выраженной информации (...) Строй русской мысли – вращательный, английской – поступательный. Русское слово более магично, заклинательно и потому склонно к повтору. Английское слово более информативно, сообщательно и потому избегает повторов. (...) Русский может далеко завести – и незаметно привести обратно, в нем много круго-

вых петель. Это язык кривых пространств, язык не Евклида, а Лобачевского, язык отступлений, а не сухого и точного пересказа» [12]. Так, в одной из статей словаря «Язык философской практики» философская речь в диалогах Платона характеризовалась следующим образом: «...на вопрос не отвечают тотчас же, делается много поворотов и обходных путей...» [3]. В данном случае преобладает смысловой оттенок медлительности и постепенности, близкий к охарактеризованному выше. В качестве вариантов перевода «поворота» и «обходного пути» нами рассматривалось «twist», часто используемое в значении непредвиденного сюжетного поворота, и «shortcut», обозначающего кратчайший обходной путь, быстрый доступ. Такой выбор не противоречил дальнейшему изложению, так как далее речь шла о сократическом диалоге, «где вопросы и ответы предназначены вызвать у индивида сомнение, или же волнующую эмоциональную реакцию» [3]. Резкие, неожиданные и буквально «взламывающие» картину мира вопросы, обычно вызывающие острую эмоциональную реакцию, действительно характерны для одного из направлений философской практики – «сократического диалога», представленного О. Бренифье [см.: Дыдров]. Но, поскольку автор статьи все же описывал сократический диалог в более общем виде, был выбран вариант перевода словосочетания «обходной путь», который все же сохранял бы оттенок постепенности – *way around*.

В другом примере, при переводе нами с русского на английский статьи [13] выражение «человек, исполняющий цель бытия» были возможны несколько вариантов перевода глагола: «to execute» – быть вынужденным сделать, подчиниться, «to perform» – сыграть (здесь вспоминается шекспировское «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры»), «to fulfill» – выполнить в полном соответствии, «to comply» – сделать с нежеланием. Многообразие смысловых оттенков отражает многообразие возможных представлений о месте человека в бытии. Это может быть иллюстрацией перевода в аспекте философской практики. Согласно Р. Лахаву, целью философской практики является саморазвитие, выход консультируемого за пределы границ «нормальности», которые соотносятся с поверхностным измерением существования [15]. У каждого человека своя «философия», основанная на жизненном опыте, которая определяет его поведение и жизненный уклад. Задача философа-практика – проанализировать опыт клиента, чтобы выявить его картину мира, иными словами, поверхностное измерение каждодневного существования, и помочь ему осознать собственный «периметр». В этом случае консультант может предложить клиенту поставить под вопрос и переосмыслить, частично или полностью, собственную систему категорий, переводя ее на другой язык. Подобным же образом, при помощи перевода, может быть переосмыслена система категорий того или иного специально отобранного философского текста, соотносящегося с экзистенциальными потребностями клиента.

Следует заметить, что дискуссия о переводе философских текстов может перерасти в жаркую полемику. Например, дискуссия Е. Ледникова с В.А. Суровцевым относительно перевода «Философии логического атомизма» британского философа XX в. Б. Рассела, которая, в частности, затронула вопрос перевода английских философских терминов *proposition* и *belief* [7, 10]. Известна также полемика А. Перцева. К. Свасьяна и И. Эбаноидзе о переводе текстов немецкого философа Ф. Ницше. Крайне интересен предложенный Перцевым вариант перевода заглавия одной из работ Ницше. «Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert» в переводе 1888 г. звучало «Сумерки идолов или как философствуют молотом». Перцев же объясняет, что Ницше представляет себя не «сумасшедшим терминатором», разбивающим идолов кувалдой, а врачом, который использует перкуссионный молоточек для диагностики [8].

Библиографический список

1. Автономова, Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 736 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Борисов, С.В. Духовные упражнения / С.В. Борисов // Язык философской практики: Краткий словарь-презентация. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – С. 30–31.
4. Деррида, Ж. Если есть место переводу. Философия на национальном языке (к «словесности на французском») / Ж. Деррида // Логос. – 2011. – № 5–6 (84). – С. 114–133.
5. Дыдров, А.А. Заметки о философской практике О. Бренифье / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкин // Социум и власть. – 2016. – № 6. – С. 112–115.
6. Кассен, Б. Вступительное слово / Б. Кассен // Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. Т. 1. – К.: Дух і Літера, 2015. – С. 13–16.
7. Ледников, Е. О стиле ведения полемики г-ном Суровцевом В.А. / Е. Ледников // Логос. – 2003. – № 2. – С. 154–159.
8. Перцев, А.В. О русских и русскоязычных переводчиках [Электронный ресурс] / А.В. Перцев // ХОРА. – 2008. – № 3. – С. 176–190. – URL: <http://www.nietzsche.ru/around/preview/perevod/perevod1/> (дата обращения: 15.11.2018).
9. Смирнов, А.В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А.В. Смирнов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
10. Суровцев, В. А. По поводу одной рецензии: Реплика / В.А. Суровцев // Вопросы философии. – 2001. – № 12. – С. 179–181.
11. Эко, У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе / У. Эко. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 730 с.

12. Эпштейн, М.Н. Говорит ли философия по-русски? [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – URL: <https://snob.ru/profile/27356/print/132510/> (дата обращения: 23.11.2018).

13. Grednovskaya, E.V. Ontoanthropological Fundamentals of Teaching of Philosophy from a Holistic Point of View / E.V. Grednovskaya, K.E. Rezvushkin // SGEM, BK 3: Anthropology, Archaeology, History & Philosophy Conference Proceedings, 2016. – Vol. II. – P. 737–744.

14. Harari, Y.N. Power and Imagination / Y.N. Harari. – URL: <http://www.ynharari.com/topic/power-and-imagination>.

15. Lahav, R. Stepping out of Plato's Cave : Philosophical Counseling, Philosophical Practice, and Self–Transformation / R. Lahav. – Vermont, 2016. – 208 p.

[К содержанию](#)